

Евгений Голубовский, Евгений Деменок

В поисках формулы духа

Олег Аркадьевич Соколов. Легендарный одесский художник, поэт, искусствовед... Наверное, можно перечислять еще и еще. Олег Соколов действительно стремился к синтезу искусств, к выражению языком графики и живописи, и поэтического слова, и музыки. И наоборот – многие стихотворения Олега Аркадьевича посвящены изобразительному искусству.

Вот и мы решили статью, посвященную творчеству Олега Соколова, сделать синтетической. И каждый написать о своем. Первая часть рассказывает о Соколове-художнике, вторая – о Соколове-поэте и литераторе.

Евгений Голубовский

«Будь собой! Прочие роли уже заняты»

Одесская школа живописи и графики представляется достаточно хорошо изученной. Может быть, потому, что в последние годы действительно вышло несколько книг о Товариществе южнорусских художников во главе с К. Костанди, пристальней вгляделись как в первый, так и во второй одесский авангард. И все же некоторые фигуры, значение которых мне представляется первостепенным, все еще остаются в тени.

Прежде всего, мне кажется, необходимо понять, оценить роль Олега Аркадьевича Соколова, человека, стоявшего на грани двух эпох, опередившего на много лет своих коллег в понимании раз-

вития искусства. До сегодняшнего дня об Олеге Соколове нет ни монографии, ни даже достойных каталогов, хоть выставок у него были десятки.

Мы познакомились в 1956 году после нашумевшей тогда дискуссии в Одесском политехническом институте о современном искусстве. Олег Соколов, Юрий Егоров, Владимир Власов были среди публики, сегодня уже невозможно узнать, кто их пригласил на этот вечер. Если Дину Фрумину, Григория Крижевского прислал партком Союза художников, чтобы они дали отпор пропаганде импрессионизма, кубизма, футуризма, кстати, выполнили они этот наказ весьма неудачно, освистанные студентами, то Соколов, Егоров просто подошли в перерыве, пожали руку, и тогда мы договорились о встречах.

И вот в один из дней поздней осени 1956 года я впервые вошел во двор Строительного переулка и поднялся по лестнице в квартиру Олега Аркадьевича. Она же и мастерская. Первые впечатления: минимализм во всем. Стол, на нем тушь, краски, листы бумаги. Шкаф с книгами. Диван. Два-три стула. Во второй комнате жила мать Олега, в третьей – его сестра Таня с мужем. На всех стенах его живописные и графические миниатюры – площадь стола не позволяла делать большие работы.

Как всегда, подхожу к книжному шкафу. Набор для того времени необычный – Ф. Ницше, Э. По, Ф. Достоевский, О. Уайльд – в революционных изданиях. Из советских изданий – только Александр Грин.

На стене кнопками прикреплен лист с афоризмами Оскара Уайльда:

«Пессимист, оказавшийся перед выбором из двух зол, выбирает оба».

«Учитесь у всех. Не подражайте никому».

«Единственный способ отделаться от искушения – поддаться ему».

«Будь собой! Прочие роли уже заняты».

Цитирую по памяти. Не все. Афоризмов было тринадцать. Олег сказал, что любит это число. Важно другое, мы с этой встречи дружили с Олегом до конца его дней, и я могу свидетельствовать, что Соколов жил по этим правилам, это был его кодекс чести.

Сейчас, после выхода книги Александра Дмитренко об истории Союза художников в Одессе, где перечислены все выставки, отмечены отзывы на них, легче быть точным в хронологии.

Не могло же так случиться, что талантливые художники, выдающиеся мастера, такие, как М. Жук или Т. Фраерман, В. Заузе или Н. Шелюто с середины 30-х годов «пропили» бы свой талант. Конечно, нет. Но общая обстановка в стране, создание огромных «колхозов» под названием Союз писателей, Союз художников и т. д. заставило их отказаться от живописных экспериментов, поисков, даже от лучших традиций Серебряного века.

В одной из статей я писал, что если государство сейчас ввело термин «дети войны», я бы в отношении творческих людей той поры, а быть может, не только творческих, ввел термин «дети страха». И никогда бы никого не стал винить, что, отсидев в застенках НКВД, они не совершали подвиги, а выполняли в меру таланта и добросовестности задачу соцреализма – показывать жизнь в ее процветании...

А затем – Великая Отечественная война. Кто-то на фронте, кто-то в тылу, кто-то в оставленном оккупантам городе. Среди тех, кто был на фронте, – Олег Соколов, до войны студиец-поэт во Дворце пионеров, студент-художник в училище.

Можно сказать, что война сделала его стойким, смелым. Но это не вся правда. Он помнил, что его мать из старинной старообрядческой семьи, что его отец – дворянин. Он не кичился, но гордился этим.

После войны учеба во Львовском художественном институте, а затем возвращение в Одессу...

На несколько областных выставок брали и до 1955 года миниатюры Олега Соколова, в основном иллюстрации к сказкам, близкие по духу к мирискусническим, но «проходимые» в то время. Но даже приблизиться к Союзу не дали – отщепенец.

В одной из своих статей я назвал Олега Соколова «человеком оттепели». Убеден в этом и сегодня.

Наступает 1956 год, «оттепель», пользуясь определением И. Эренбурга. У себя в мастерской начинает возвращаться к самому себе, к свободе, к декоративизму, иронии, но как бы на новом дыхании Теофил Борисович Фраерман. Ему остается жить всего

год, но и до 1957 года он успевает сделать несколько десятков острых, проникнутых ощущением молодости гуашей. Мы их увидим (и то – не все) на его посмертной выставке в том же 1957 году в Одессе. И хоть в предисловии к каталогу (анонимном) художника уже не упрекали в формализме, но по-прежнему звучал упрек в... камерности творчества. И лишь ученик Фраермана, правда, давно уехавший из Одессы, в своем творчестве отошедший и от заветов Фраермана, и от заветов Павла Филонова (а он учился и у того, и у другого), народный художник СССР Е. Кибрик в слове об учителе писал: «Когда до меня доходили слухи, что Теофила Борисовича называют формалистом, я не мог этого понять... он был очень тонким и оригинальным художником, творчество которого отмечено тем пытливым беспокойством, бесконечными исканиями, которые отличают каждого художника, обладающего художественной индивидуальностью».

Но, пожалуй, главное, Т.Б. Фраерман оставил не только гуаши 1956 года, но и учеников – Олега Соколова и Юрия Егорова.

Я не раз писал о прижизненных (часто подпольных, запретных) выставках Олега Соколова. Писал и после его смерти. И думаю, нашел определение, которое может многое сказать о художнике даже тем, кто не знал его (а знала чуть ли не вся городская интеллигенция, особенно научно-техническая, философская, медицинская, музыкальная): Олег Соколов – «человек оттепели». Он воплотил в себе идеалы шестидесятничества, но пришел к пониманию нелепости соцреализма как единственного пути развития культуры, нелепости политической системы, где деятели культуры были винтиками партийного аппарата, еще до смерти вождя всех народов, до речи Хрущева, ошеломившей многих и многих.

Я уже писал, что Олег Соколов прошел войну. А это была школа борьбы с диктатурой фашизма, и победителям казалось: как только кончится кровавая бойня, действительно наступит новая жизнь, люди ощутят себя «братьями и сестрами», как обратился к ним в первой своей речи, в 1941 году, всезнающий и всевидящий бог этого безбожного царства. И конечно, нельзя забывать, что Олегу Соколову просто несказанно повезло. Он не только учился в Одессе, а потом во Львовском художественном институте. У Соколова был Учитель – человек, принадлежавший по праву

и к одесской, и к парижской школе, друживший с Матиссом, Руо, Шагалом, выставившийся с ними на одних выставках – Теофил Борисович Фраерман. Ему уже не разрешали преподавать, но Олег ежедневно ходил к Фраерману домой беседовать (и оставил интереснейшие записи об этих разговорах).

Я не утверждал и не утверждаю, что Олег Соколов с конца 50-х годов был лучшим одесским художником. Рядом продолжал творить последний южнорусский мастер, тончайший колорист В. Синицкий, восходили звезды А. Ацманчука и Ю. Егорова. Но их творчество (особенно В. Синицкого) было как бы частным делом, изредка прорываясь на выставки, таилось в мастерских.

Олег Соколов был фигурой общественной. Он ломал догматы у всех на виду. Боролся за право показывать свои работы. И находил поддержку то в Союзе писателей, то в редакции «Комсомольской искры», то в Доме ученых. Но никогда, увы, никогда – в Союзе художников, где «дележ пирога», дававшего сытую и безбедную жизнь заказами от колхозов, заводов, санаториев, гостиниц и т. д., сломил талантливых людей.

А когда у Олега Соколова не было возможности выставляться, он открывал всем (подчеркиваю – всем!) двери своей крошечной квартиры, где жил и работал сам (поэтому формат акварелей, гуашей всегда маленький), где жили его мать, сестра с мужем. И все это – в двухкомнатной квартирке на тогдашней окраине города – в Строительном переулке. И единственная большая работа – антисталинская фреска, написанная на стене комнаты, сохранилась как протест против деяний усатого вождя.

Круг его творчества: от мирискусничества к абстракционизму, от оп-арта к контррельефам и аппликациям на бумаге, к стихоживописи, к музыкаживописи. Он был экспериментатором. Когда-то любимейший поэт Олега Соколова Велимир Хлебников делил людей на изобретателей и приобретателей. Олег Соколов был изобретателем.

Архив Олега Соколова огромен. Не говоря уже о том, что многие его работы украшали дома одесской интеллигенции. Он писал стихи, трактаты, даже воззвания. Да, это именно Олег Соколов вышел к кирхе с плакатом, когда ее собирались уничтожить, и протестовал против сноса старинной решетки вокруг скве-

ра у железнодорожного вокзала. Может, потому, что нет уже Олега Соколова, ее сняли и вместо нее соорудили нечто безвкусное и недостойное города?

Да, это Олег Соколов пришел в «Вечернюю Одессу» со статьей против антисемитизма, услышав с возмущением по одному из «голосов» выступление кого-то из лидеров недоброй памяти московской «Памяти».

Жизнь его была трудной. Постоянный надзор КГБ. Выход он часто находил в водке. Но и после запоя, после больницы, после невразумительных текстов в блокнотах он вновь возвращался в привычную форму, работал, как раб на галерах, каждый день в музее западного и восточного искусства и дома через ночь – до утра – 5-6 миниатюр.

Много читал, особенно в последние годы философскую и научную литературу. Любил музыку, особенно А. Скрябина, дружил с одесскими музыкантами, поэтами и прозаиками, поддерживал молодых, почувствовал огромные перспективы юного Александра Ройтбурда.

А сам ушел от мирискусничества, в которое был влюблен в молодости, от Бердслея и Ропса, занялся синтезом искусств, стараясь найти живописное выражение музыки Скрябина или Прокофьева, Шостаковича или одесского композитора Русинова, увлекся изопоэзией, коллажами – в отдельных листах достигал интересных результатов. Но параллельно писал абстрактные композиции, считая, что это и есть высшее достижение гармонии в искусстве.

И занимался общественной деятельностью – создал Клуб имени Чюрлениса, литовского поэта, художника, композитора.

Первая персональная выставка Олега Соколова состоялась в Союзе писателей, а не в Союзе художников. Все это после смерти «отца народов». А в 1966 году я открывал его персональную выставку в «Комсомольской искре». И каждая выставка – это был шаг вперед, попытка объяснить необъяснимое.

Уже не только разгромные статьи появлялись о его творчестве. Мог бы подавать заявление в Союз художников, но не делал этого. Ему важнее была свобода. Но не осуждал других – радовался успехам Юрия Егорова, Александра Ацманчука, Александра

Фрейдина, поискам Виктора Павлова, Николая Новикова, Валентина Хруща, Станислава Сычева и всегда говорил самому себе:

«Будь собой! Прочие роли уже заняты».

Евгений Деменок

Литературное творчество Олега Соколова

«Удовлетворение, как от редкой и полной рифмы»

Олег Соколов

Литературное творчество Олега Аркадьевича Соколова – это целый пласт, исследование которого только начинается. Я не знаю в Одессе другого такого художника, чье литературное творчество было бы так тесно связано и сопоставимо по масштабу с собственно художественным творчеством. Виктор Сергеевич Никифоров в своих воспоминаниях об Олеге Соколове писал: «Олег Соколов кроме того еще и поэт. Некоторые, кто его знает, считают, что он даже более велик как поэт, чем как художник».

Это вполне объяснимо – писать стихи Олег Соколов начал в юности, в середине тридцатых, и поэзия всю жизнь была его спутником. В моем архиве есть совсем раннее стихотворение Олега Аркадьевича, «Флорида», написанное черной ручкой на пожелтевшем уже небольшом листочке бумаги и посвященное девушке Клаве, с такими строками:

Мне 18 лет...
И снова на рассвете,
Вновь об Америке
Сомнения томят:
Где ваше слово?
Ходите в берете,
И даже, вот,
Не любите меня...
По-боевому скоро мне одеться,

Подходит мой уже призывный год,
Но клятва, данная когда-то в детстве,
День ото дня все искренней растет.
И мне в лицо ударил
Горький запах,
Дым пороха и гари ветерок,
И как тогда хотел
Удрать на Запад,
Так я теперь
Уеду на Восток.
И если не вернусь в Одессу снова,
Коль умереть случится в том краю,
Скажите так: что он, как Оцеола,
Погиб в бою за Родину свою.

В 1937 году Олег Аркадьевич начинает писать поэму «Лермонтов в Пятигорске», отрывки из которой можно найти в нескольких рукописных сборниках стихотворений, в частности, в сборнике «Железные цветы», куда вошли стихотворения 1937-1945 годов. Первый отрывок, «Рассвет», датирован 1937 годом. Отрывок «На водах» – 1941 годом.

Уже на фронте он начинает писать поэму «Последний дворянин». «Готовлю оформление казарм к празднику, – пишет он матери в ноябре 1944-го. – Все-таки хоть и грубая в художественном смысле работа, но все же и она дает удовлетворение. Начал читать роман Гончарова «Обрыв». До этого если и читал, то Чехова, то Пушкина. Вообще литературу я забросил, может быть, я расскажу тебе почему, а ты, как мне кажется, согласишься со мной. Говорит радио, покойный вечер, ужин, отбой, ватный матрац, спи спокойно, а вспоминается далекое страшное время, когда из-под самого Ровно мы отступали, мне хорошо было, подо мной был славный конь, лучший в полку, конь был полковника, но он поменялся с моим коньком, так как у меня был тихий чахоточный конек, а полковник был жирный и плохой наездник, его нервный и упрямый конь красавец пугал своей непокорностью, а мне он очень приглянулся. Пехота та, выбиваясь из сил, падала от марша. Потом бои у Коростеня, мины, спишь сквозь сон слышишь вой

снарядов и мин. Но привычка, спал крепко. Даже стихи писал, вернее, свою поэму «Последний дворянин».

Целую дорогую маму, Таню, хороших и близких знакомых.

Олег».

А вот строки о поэзии из письма сестре Татьяне – письмо отправлено из Тбилиси, куда Олег Аркадьевич попал после ранения, и датировано 19.8.44:

«Поэзия. Она убила во мне много хорошего. Вообще поэзия это искусство, ведущее к пропасти душевной, а нередко и к смерти.

Лермонтов. Я был в Пятигорске. Ну и местечко. За мной в долгу пятигорские улицы, цветники, горы. Целую и невредимую встретить после резни мечтает Олег сестру...».

Поэма «Последний дворянин» состоит из трех частей, каждая из которых разбита на главы. Во второй части, названной «Снятие колоколов», есть небольшое стихотворение «Одесса»:

Одесса

Империи последний день,
По городу гуляют офицеры.
Скандалят. Пьют.
Как подобает тем,
В страну родную кто теряет веру.
Она рассеялась, как дым,
Ждут оккупации с рассветом.
Газеты лгут.

Уже в ранних стихах Олега Соколова отчетливо выражено его отношение к советской власти и советской действительности. Поразительно стихотворение «Тост», вошедшее в рукописный сборник «Железные цветы» и датированное 1944 годом:

Тост

Еще одна годовщина
Голода и позора.
(Отпразднуем не как мужчины,
Быть нам такими не скоро)

Подыдем тост за здоровье
И славу того человека,
Кто залил Россию кровью
И Грузию сделал Меккой.
Подымеьте тост за отчизну,
За нашу советскую землю.
За осени позднюю тризну,
За совесть, которая дремлет.
Подымеьте тост за бесчестье,
За рабское слово «назад»
Расстрелянных в красной мести,
Которым не взглянем в глаза.
Подыдем...
Тоска без причины...
Такая кругом благодать.
За то, чтоб такой годовщины
Не приходилось встречать.

В этот же сборник вошло еще одно стихотворение об Одессе, названное «Родной город»:

Родной город

Одесса. Грохочет прибор,
Акации не отцвели.
Увижусь я вряд ли с тобой,
Тебя в облака увели.
Одесса. Надколотый дом,
Зари разгорелся костер.
Живи, коль мечта о другом,
Я не боюсь. Нож остер.

Как верный раб тебе служить,
Я буду на земле.
Но только после не терпи,
В кромешной адской мгле.

Всю свою жизнь Олег Соколов будет «внутренним эмигрантом», и критика действующего строя будет одним из основных лейтмотивов его творчества. Такие стихи и фразы встречаются во всех его рукописных сборниках и артбуках. Например, в рукописном *сборнике «Горечь позднего меда»*, в который вошли стихотворения 1971-1973 годов, в частности «Дерзость», «Краеугольный камень тот стоит», «Палач», «Имярек», «Женщины из каменного века», «Размышление над рукописями моей жены», «Чердак», «Мечта», написанный на украинском «Сонет». Вот несколько сочных фраз из сборника:

В Одессе нет бригад
Коммунистического труда,
А есть: «Кому нести? Чего? Куда?»

И еще:

У всех сараи как сараи,
Но отставник из КГБ
С глазком устроил дверь.

Та же тема прослеживается в необычном и интересном *сборнике «Славянские хокку»*, созданном в 1972-1974 годы. В нем – около двух сотен трехстиший. Вот несколько хокку:

9. Девушка, с именем Антон
Швырнула взглядом на могилу
Неизвестного секретаря обкома.

11. Советский искусствовед
С татуировкой «Слава КПСС».
«Спасибо, что закрыли дверь!»

28. – Одесса всегда хотела иметь Рембрандта,
Так она да, его будет иметь, –
Сказал Олег Аркадьевич Соколов.

35. Под ядерным зонтиком США
Писать бы пьесу...
Чувство вины.

37. Черные «дела» академика Сахарова.
– И не стыдно ему? Мне, простой женщине,
Жене тракториста, и то стыдно за него.

87. Истины высший критерий – практика.
Давай кофе сочиним, да почерней,
Вроде этой ночи.

88. Антисоветские,
Дурно пахнущие материалы.
С подлинным верно.

97. Характерные плоды коммунизма
Упадок городов.
Они превращаются в степи.

116. Пьяный с побитой мордой,
Но с букетом хризантем.
52-я годовщина Октября.

119. Пишет по-русски, но латинскими буквами.
Второй текст написан
Между строк первого текста.

В «красном» сборнике – в книжечке «Делегат більшовиків Одеси» записана абсурдистская пьеса «Комсомольцы 20-х годов» с сильно выраженным антисоветским характером; в сборнике собраны стихи 1970-74 годов, в частности «Стихи для философов о том, что рассказывает шум раковины», «Тяжело работать с дураком», «Собираю дожди», «Закоулок на процессе», «Сэр Исаак Ньютон», «Структурная данность», «Краеугольный камень», большое стихотворение, посвященное Герману Гессе.

Знаменитые артбуки Олега Соколова... Это микс искусств – тут и графика, и коллажи, газетные вырезки, стихотворения, мысли и фразы, пьесы... Каждый артбук – целый мир, рассматривая его, погружаешься в ту эпоху коммунистического абсурда, в ту атмосферу, в которой жила вся страна. И поражаешься смелости автора – каждая такая пьеса, стихотворение, даже фраза грозили тогда тюремным сроком.

Вот, например, *сборник «Точка над И»*, созданный в 1969 году. Эпиграфом – цитаты из Ницше и Пастернака, в начале сборника – молитва, а через несколько страниц – запись: «Избавимся от сорняков. Под сорняками я подразумеваю социалистическую идеологию». И подпись – Олег Соколов.

В этом же сборнике – два стихотворения, которые я хочу привести полностью.

Стихи с многоточиями

Искусство вещь нелепейшая... из себя

Так снятся сны о детстве...

Золотыми

Назвать их не мог.

И годы сталинизма,

Бедствий,

Мы жили ими.

Занемог

Отец и слег.

На кухне творчества

Мать.

Замки...

(Мы дети –

Не знаем, что творим.)

Выходим в ночь

За город, как за рамки.

Осенний хлад,

А мы горим, горим.

Из окон порт,
Мерцающий и дымный,
И год 37-й,
Как скопище Малют
Скуратовых...
Позором духа
Обязаны им мы.
Но палачам
Руки не подают...
Мы подавали, восторгались, пели
О дифирамбы од,
Оваций гром...
Не слушали
Как падали капли
Как свечи
Оплывают у икон.
Я – это вы.
Проклятьями заклят.
Оболган и освистан,
И оплеван.
Но не сейчас...
Пусть одуванчики стоят,
И сад в ромашках...
Но даю вам слово.

* * *

Ошибся тот,
Кто длань свою простер
К победе коммунизма!
Зря лавры брошены
В общественный костер.
Нам путь пересекают
Динозавры.

1969

15 июля 1969 года Олегу Аркадьевичу исполнилось 50 лет. С этой датой его поздравили очень многие. А сам он записал в сборнике «Точка над И»: «Стукнуло», как говорят, 50 лет. Осталось еще 23». Он ошибся всего на два года...

Вообще Соколов и мистика – тема для отдельного исследования. В «Безымянном» сборнике, который начинается стихотворением «Я, видимо, отпетый монархист», он пишет о том, что является реинкарнацией великого князя Олега Константиновича Романова:

«Задолго до моего рождения на спиритическом сеансе явился Олег Константинович Романов, заявив, что я рожусь через год и он будет во мне. Это рассказала мать, которая никогда не лгала».

* * *

Я из детства пришел,
Не найдя примирения с родом,
Со своим непокорным народом,
Только накрепко знал: «Хорошо»,
Только знал – хорошо, что минуют невзгоды,
То, что времени посвист ветру сродни,
Что минуют, как марево, тяжелые годы,
И придут благодатные дни.

27.1.88

Олег Аркадьевич никогда не забывал о своем дворянском происхождении. В 1988 году – этот год был особенно плодотворным для художника и поэта – он создает большой рукописный сборник, который иллюстрирует своими замечательными графическими работами. Сборник начинается таким четверостишием:

Я, видимо, отпетый монархист,
И для меня кровавые знамена –
Они как реквием поруганному трону,
Как поздней осени зауспокойный свист.

Религиозные мотивы постоянно присутствуют в стихах Олега Соколова. «Бичами исполосован Христос, и время, что уходит под откос», – писал он 7 июня 1972 года. И далее: «Я слышу лязг бичей, Христопродавцев говор...». В стихотворении «Правда о русском солдате» из сборника «Железные цветы», написанном в 1943 году, есть такие строки: «Вы знали крещеную матушку Русь. Так знайте – Русь без креста».

В июле 1970-го Олег Соколов написал такое стихотворение:

В рабстве закоренели мы.
Пусть консерватор по инстинкту
Народ. Пусть благочестье смысл
Вал революции. Но лабиринтом
Плутать не будем. Знаем
Да, мы разрушили культуру.
Мы надругались. Что ж, резная
Ограда для надгробья сдуру
Ломалась. Били мы фарфор,
Жгли храмы. Вырубали рощи.
(Что, может быть, казалось, проще –
Решать наганом разговор.)
...
Христианство проповедовалось
Чистыми и строгими
Апостолами и их последователями.

«Ты знаешь, я сойду с ума, если ты не придешь, – пишет Олег Соколов. – Знаешь, я сделал так много. Потоки нейтронов идут по моему руслу. Я прочел письма города Майя. Мои ракеты вырвались за пределы земных притяжений. Я понял, что цифры так же прекрасны и поэтичны, как мягкий овал лица камеристки Рубенса. Но если ты не придешь, все это не стоит выеденного яйца.

Вот почему эта серия так мрачна...

Я жду тебя, Господи!»

А вот еще фраза, записанная в 1967 году: «Кто делит мир не с Господом на двух, а с женщиной, – живет напрасно».

* * *

Эти сумерки духа
Наступают не сразу
Околотками дней
И стратегией тьмы
Исподволь затаенно
Не чуя заразу,
Меня личину
С «эго» на «мы».
Революция выкрестов
На Евангелье чтимом
Плащаницу на простыню
Заменили смеясь
Не безвозвратно, не опалимо
Нас причастила к вечности грязь.
Голубя с проткнутой иглой в голове
Молодежь выпустила на волю.

7.IX.88

Поиски себя, своего места в жизни, смысла самой жизни...
Много стихотворений Олега Аркадьевича – об этом:

Сонет-абсурд

Сознание над памятью кружит
Апокрифической птицей,
А сон смежает рубежи
Как разночтенье образной границы.
Аннигиляция – как молния, как мысль,
Разверзшихся пространств излом и почесть,
И, сквозь туманы различая мыс,
Но не глазами... Для чего же очи?
Из будущего в прошлое пути,
У бесконечности на кромке сядет Фейнман,

Энергия и время у рутин...
О слово раскаленное – «наверно»
...
И может, мысль не так уже и вздорна,
Симметрии рассыпанные зерна.

27.8.73

В 1970 году Олег Соколов написал такое стихотворение:

* * *

Для одних истина – свет, а для других огонь.

Григорий Нисский

Я хотел бы выстроить
Огромный замок,
Высокий замок
На высокой горе.
Увешать его гобеленами,
Да, гобеленами,
Настоящими фламандскими,
Настоящими французскими
И только – XV века...
Пусть их осталось немного,
Совсем немного.
В залах замка
Я развесил бы свои работы,
Все 15 000
Но никого не пустил бы туда
В эту огромную экспозицию,
Занимающую 100 зал;
Потом прошел бы по всем залам,
Светя себе канделябром,
Старым масонским канделябром
Из трех свечей.
Внимательно и бережно

Осмотрев,
Я бы поджег все это,
Труды всей моей жизни.
Я бы даже не сказал:
«Придите и смотрите
На это страшное
Auto da fe,
Смотрите!»
Я бы этого не сказал,
А только молчал
И смотрел.
Вот что бы я сделал,
Если был бы очень богат.

Целый отдельный пласт – *стихи об искусстве и художниках*. В рукописный сборник «Красные корни» (стихи и рисунки 1974 и 1989 годов) вошло стихотворение «Рафаэль», датированное 27 декабря 1974 года. Есть у Олега Соколова несколько стихотворений о Леонардо да Винчи, есть стихи, посвященные человеку, которого он называл своим Учителем, – Теофилу Борисовичу Фраерману. В рукописный *сборник «Серебряный бор»*, созданный в 1975 году, вошли в числе прочих стихотворения «Серебряный бор», «Врубель», «На выставки импрессионистов».

Врубель

Поверженный демон, поверженный,
А может, художник нам хочет сказать,
Хочет сказать,
Что мы безудержны,
Что сломит гроза.
Это есть сила
Это есть страсть
Мы обессилены
Нам не встать.
Над мощью пророчит
Сиреневый свет

О гения росчерк –
Завет.
И крыл опаленных
И демона взгляд.
Забела влюбленно:
Здесь рай весь, здесь ад.
Никто не покинет
Насиженных мест,
Может, в Бекине
Голгофа и крест.
Цыганка разбросит
На картах судьбу
Художника спросят:
«Пишу я в гробу».

На выставки импрессионистов

Вдохнула жизнь сосна Синьяка,
Дерен мне руку подавал,
Анри Руссо испанкой яркой
Нещадно радовал.
Нещадно жег усталость, вялость,
А ты чего-то так боялась...
В плену у живописи я.
Боннар сиял.
Пикассо жег
Кликуш и дохлых недотрог.
Комедианты за столом
Какой душевный бурелом
О рыбы красные Матисса,
Леже – фабричный производ,
Гогена стон,
Ван-Гога лица,
Сезанн суров и нелюдим,
Как неприступный паладин.
Какие девушки Майоля,
Родена вечный поцелуй.

Да, я сегодня был на воле.
Да, я сегодня не холуй.

Январь 1975

В сборнике «Точка над И» есть замечательное стихотворение «Творчество», посвященное Елене Шелестовой:

Раскрывается мир –
Неожидан и сразу –
То ли в форме цветка,
То ли в форме зари.
Что, привычное сердцу,
Что привычное глазу
Вдруг совсем непривычным
Тебя одарит.
И начнутся тогда
Беспокойные ночи,
О, как трудно тогда
Коротаются дни.
Ты идешь напрямик
Сквозь заслон проволочек,
Но всегда ты останешься
Безнадежно один...
Потому что привычное
Сердцу и глазу
Слишком близко.
Тяжелы сознанья лари.
Раскрывается мир –
Неожидан и сразу –
То ли в форме цветка,
То ли в форме зари.

1969

А вот строки из размышлений Олега Аркадьевича об искусстве: «Искусство есть выражение зашифрованной формулы духа. Я учу улавливать пульсацию искусства во всем». В рукописном

сборнике «Световая соната» есть такое стихотворение, датированное 14 августа 1971 года:

Искусство – как свеча в чулане,
Для вас, рожденные рабы,
Чесотки зуд
И скрип арбы
И уж, конечно,
Не взгляд ланий.
(...а звезды
Средь пространств небес
Сверкают истово и рьяно.)
Не с тупостью наперевес
Который год идет Ульянов.
Я ненавижу тусклый мир
Всех ваших новшеств и введений,
Партийно-производственных радений.
С гнильцой изрядной ваш кумир...
Я знаю, не обманешь ты
В своем бессильном наущеньи...
...
Замедленное превращенье
И постулаты суеты.

В сентябре 1979 года Олег Аркадьевич написал небольшое, но очень интересное стихотворение «Реквием футуризму»:

Не представлен к награде
За стихи, что на ветер,
Он погиб в Сталинграде – Маринетти.
За чужой закоулок,
За чужие потребности...
В миг последний сверкнуло
Италии небо,
В миг последний над гарью...
В кружке – спирт на здоровье.
Залиты регалии

Солдатской кровью.
До перевязочного не доплзти...
Новая религия – мораль скорости.

В рукописном сборнике *«Красные корни»*, куда вошли стихи, рисунки, статьи 1974, 1989 годов и стихи 1973, 1981, 1988 годов, есть такое стихотворение:

После посещения художественного училища

Какое тусклое мерцанье,
Нет мощных крыл
Огня, дерзанья...
Замшелый мир,
Где благоденствие – кумир.

1973

Интересно, что Олег Аркадьевич не только писал стихи об искусстве, но и наоборот – неоднократно изображал графически поэзию и прозу. У него есть работа *«Суть творчества Эдгара По»*. Или, например, такие работы – *«Поэзия Бориса Нечерды»*, *«Поэзия Ильи Сельвинского»*, *«На стихи Булата Окуджавы»*, *«Листья травы. Уолт Уитмен»*.

«Что касается стихов, то Великий четко подразделяет их на рациональные и чувственные, – писал Виктор Никифоров в воспоминаниях о Соколове. – Он создает серии не только цветомузыки, но и цветопоззии. Вернее, даже не цвето-, а графо. Такие поэты, как Осип Мандельштам, Борис Пастернак, их стихи ассоциируются у Соколова с переплетением четких черно-белых конструкций, линий, а такие как Есенин или Лорка – с аморфными цветовыми пятнами».

И действительно – у Олега Аркадьевича множество цветопозитических, цвето-музыкальных, цвето-философских работ. Например, на выставке его работ, состоявшейся в 2008 году, были представлены такие работы: *«Сибелиус»* (1975), *«Настроение*

после Скрябина» (1988), «Ф. Шопен. Концерт для фортепиано с оркестром № 1. Ми Минор», «Пасха (Пасхальные колокола. Рахманинов)» и даже «Пол Маккартни «Питайся дома» (1977).

И, конечно же, Чюрленис. Творчество и идеи Микалоюса Константиноса – Николая Константиновича Чюрлениса сыграли особую роль в жизни Олега Аркадьевича. В начале 60-х Олег Соколов основал клуб «Цвет, музыка, слово» имени Чюрлениса – первое в Одессе общественное объединение, созданное без участия властей. Сестры Чюрлениса, жившие в Литве, были восхищены и поражены, а на научно-техническую конференцию «Свет и музыка», состоявшуюся в Одессе в 1969 году, одним из организаторов которой был клуб, приехали с выступлениями в числе прочих Витаутас Ландсбергис и Булат Галеев.

Хочу привести здесь два стихотворения Олега Соколова, посвященные гениальному литовскому художнику и композитору.

Чюрленису

В громах и молниях пишу
Я твой портрет
Листвы осенней, ветра шум –
Как твой привет
Как твой ответ тот сполох был
Багрянен и жесток
Просветом неба голубым
Вещал восток
О, Чюрленис, эта твердь –
По ней взалкал.
Пусть жемайтійскими крестами смерть
Скорбит пока
Пусть лестниц бесконечный ряд
Уводит в рай.
Твой жертвенник огнем объят.
В закате край.
В закате край и ливня шум,
Как твой привет.

В громах и молниях пишу
Я твой портрет.

* * *

За мишурой житейских благ
Не нам протягивать ладони.
Зари пылающий рейхстаг –
Чюрленис.

Нам бескорыстие – удел.
Души измученные кони
Нас держат столько лет в узде,
Чюрленис.

И если горестно тебе,
И друг участия не обронит,
Не падай духом среди бед –
Чюрленис.

Уходят годы и друзья,
К тому, кто птичьи стаи гонит,
Но быть жестокому нельзя:
Чюрленис.

Кто перед знаменем весны
Свои колени не преклонит?
Твои молитвы и посты,
Чюрленис.

Чюрленис – теплая свеча,
Скорбящей матери ладони.
За многое нам отвечать,
Чюрленис!

Совершенно отдельная страница поэтического творчества
Олега Аркадьевича – *подписи к его работам*. К графическим

листам. Некоторые из них уже стали легендарными, как, например, это:

«Я математик». Норберт Винер
Пришел. Кругом царил застой.
А я художник. Сила – в синей
И обреченность в золотой.

А такое четверостишие написано автором на рисунке 1981 года, который хранится в моей коллекции:

Пространство дня – немыслимый барьер,
Но размышление уводит в глубину
Других пространств, решений, мер...
Пределы вечности – в стабильности минут.

На сотнях работ Олега Аркадьевича – его собственные стихи, выдержки из Мандельштама, Лермонтова, Федерико Гарсиа Лорки, Пабло Неруды, Константина Бальмонта, Беллы Ахмадулиной... Многие листы подписаны сзади. В моей коллекции есть небольшой лист, подписанный и именованный дважды – 24 июля 1959 года Олег Соколов назвал работу «Кошмар», а через двадцать девять лет вновь подписал ее так: «Интересно, доживет ли мое искусство до 8861 года? Этот лист я дорабатывал 30.8.88, тогда и написал стихотворение «Уходят поезда в ночи». P. S. Сколько энергии тaitся в пространстве души, которая пропадает». Работа названа по-новому – «Желтый ангел».

* * *

Несколько стихотворений Олега Аркадьевича были опубликованы в одесских газетах, в основном в «Вечерней Одессе». Пожалуй, самое известно из них – «Дон-Кихоты нужны», посвященное Булату Окуджаве. В начале 60-х Булат Шалвович был в Одессе и встречался с Олегом Соколовым – есть даже их совместная фотография.

Дон-Кихоты нужны,
Дон-Кихоты в чести.
В век двадцатый,
Зимою и летом,
Мы кончаем работу
К пяти иль к шести,
Дон-Кихоты – к рассвету.
Свеча оплывает,
Ты пишешь портрет,
Чтоб сказали:
«Фантазии, враки».
Состояние твое –
Все в том же копые,
В тощей кляче
И борзой собаке.
Каравеллы бегут,
Что с того, что ты – смел?
А до цели... Измучишься
прежде...
Для того чтоб обломки
От тех каравелл
Находили у мыса Надежды.
Дон-Кихоты нужны!..

Конечно, публикации Олега Аркадьевича – лишь верхушка айсберга его творчества. Невозможно, совершенно невозможно было в те времена публиковать настоящие мысли Соколова. И все они остались в рукописях.

Например, в сборнике «Наговор» (1972) Олег Соколов высказывает отрицательное отношение ко вводу советских войск в Чехословакию. Он прекрасно понимал, что это опасно. Ведь за ним пристально наблюдало КГБ, и не только КГБ. Вот, например, выдержка из дневника, который Олег Аркадьевич назвал «Я говорю правду»:

«20.X.63

Звонок из обкома комсомола: «Товарищ Соколов, с вами хотят встретиться рабочие одного завода, как это сделать? <...> Вос-

кресенье, у музея человек 10-12. По лицам вижу – что-то не то. И не рабочие, и не те, кто ко мне обыкновенно приходит. Что-то чуждое, злое... Дома – почему у вас висят иконы? – Я верю в Бога. – Почему на рисунке «Современная девушка» крест? – В моем представлении такая современная девушка. Вопросы свистят как из ведра, и самое худшее, что человек 5 записывают. <...> Через несколько дней один из хлопцев, который особенно усиленно спорил (оказывается, он из ЦК комсомола Киева) был в музее, часа два говорил, запершись в кабинете директора, с парторгом».

Не обращая внимания на подозрения и преследования, будучи вынужденным несколько раз прятаться от высылки или «посадки» в сумасшедшем доме, Олег Соколов продолжал говорить и писать правду.

Много лет Олег Аркадьевич писал одну большую пьесу – пьесу об абсурдности советской действительности.

«Но, все-таки почвой для развития его творчества является абсурдность нашего бытия, – пишет Никифоров. – У Соколова есть *пьеса абсурда*. Двести действий. Каждое действие с «Гамлета» величиной. Пьеса хранится в старинном окованном сундучке».

Действительно, каждое действие этой пьесы записано в отдельной тетрадке. В основном это обычные советские ученические тетрадки в линейку или клеточку. Каждое действие имеет свое название и представляет собой артбук, в котором коллажи, вырезки из советских и зарубежных газет и журналов перемежаются собственно текстом пьесы. В каждом действии – свои герои. Но едино общее настроение – советская действительность как абсурд.

Приведу несколько отрывков. Вот, например, действие под названием «Великий учитель»:

«У входа в театр стоят резервуары абсурда. Нужно помнить, что птица, которая долго поет, не сумеет свить себе гнезда. При театре баня с парной, березовые веники продаются только с афишками. <...> По театру ходит слушок, что жена режиссера имеет любовника-ассенизатора, да это видно и по нарядам.

Голос из ниоткуда: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки».

В это время на сцену выкатывают огромную гаубицу, что-то у нее колдуют, дуло направлено в зал, публика нервничает, но для успокоения публики выходит хор стриженных дворян.

Режиссер: «Пока мы наладим эту пушку, слушайте. Обратите внимание на парторга группы, в конце концов ставшего графом».

А вот отрывок из действия под названием «Марш «Красной субботы»:

«Немного забегая в будущее.

На Западе перед такими домами висит красный фонарь, и дом скромно называют «домом терпимости», у нас с возросшей уличной и школьной проституцией тоже дома с красными фонарями, но на них табличка «Приглашаем дружить».

Молодая проституточка с учебником «Продолжаем дрючить» зубрит: «Любить абстрактно мы любим, но не все умеем – давайте учиться».

Выходит комсорг с повязкой, назидательно: «Политики – командная сила, окончила бы искусствоведческий – ну что бы ты имела, в три раза меньше уборщицы. А здесь самому заву гороно минет делаешь. Только в нашей стране звездное положение женщины».

Далее в пьесе – вырезки из газет с описанием «красных субботников» и фотография Ленина с «бревнышком».

Каждое действие пьесы – особенное. Но каждое – глоток правды и юмора в удушливой атмосфере тогдашней жизни.

«Не знаю, судьба ли мне дописать эту тетрадь, – писал Олег Соколов в своем дневнике 8 октября 1963 года. – Но знаю – будет время, и все написанное мною будет издано. Будет. Ибо я показал, осмыслил ужас этого времени. Осмыслил. И если я сделал лист «Что творится на душе», то я рассказал о многих, всех душах».

Это время пришло.

